

«Детское чтение для сердца и разума».

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

5

■ 2018 (227)

6+

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

РУССКИЙ МУЗЕУМ:

Павел Рыженко

УГОЛОК РОССИИ:

Мальская долина

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:

Авиация

Павел Гусев

Маленький солдат

Эдуард АСАДОВ

День Победы

День Победы. И в огнях салюта
Будто гром: — Запомните навек,
Что в сраженьях каждую минуту,
Да, буквально каждую минуту
Погибало десять человек!
Как понять и как осмыслить это:
Десять крепких, бодрых, молодых,
Полных веры, радости и света
И живых, отчаянно живых!
У любого где-то дом иль хата,
Где-то сад, река, знакомый смех,
Мать, жена... А если неженатый,
То девчонка — лучшая из всех.
На восьми фронтах моей отчизны
Уносил войны водоворот
Каждую минуту десять жизней,
Значит, каждый час уже шестьсот!..
И вот так четыре горьких года,
День за днём — невероятный счёт!
Ради нашей чести и свободы
Всё сумел и одолел народ.
Мир пришёл как дождь, как чудеса,
Яркой синью душу опаляя..
В вешний вечер, в птичьи голоса,
Облаков вздымая паруса,
Как корабль плывёт моя Земля.
И сейчас мне обратиться хочется
К каждому, кто молод и горяч,
Кто б ты ни был: лётчик или врач.
Педагог, студент или сверловщица...
Да, прекрасно думать о судьбе
Очень яркой, честной и красивой.
Но всегда ли мы к самим себе
Подлинно строги и справедливы?
Ведь, кружась меж планов и идей,
Мы нередко, честно говоря,

Тратим время попросту зазря
На десятки всяких мелочей.
На тряпье, на пустенькие книжки,
На раздоры, где не прав никто,
На танцульки, выпивки, страстишки,
Господи, да мало ли на что!
И неплохо б каждому из нас,
А ведь есть душа, наверно, в каждом,
Вспомнить вдруг о чём-то очень важном,
Самом нужном, может быть, сейчас.
И, сменя всё мелкое, пустое,
Скинув скуку, чёрствость или лень,
Вспомнить вдруг о том, какой ценою
Куплен был наш каждый мирный день!
И, судьбу замешивая круто,
Чтоб любить, сражаться и мечтать,
Чем была оплачена минута,
Каждая-прекаждая минута,
Смеем ли мы это забывать?!
И, шагая за высокой новью,
Помните о том, что всякий час
Вечно смотрят с верой и любовью
Вслед вам те, кто жил во имя вас!

П. Рыженко
Битва под Москвой. 1941 год
2011 г.

В номере:

3

Павел Гусев

Маленький солдат. Рассказы

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Елена Васильева

Светлый образ Русской земли: Павел Рыженко

21

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

Николай Заболоцкий: «Не позволяй душе лениться!»

24

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Наталья Безотосная

Жизнь с телевизором

26

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

Мальская долина

29

РАССКАЗЫ

Михаил Пришвин

Ёж

30

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Дело выгорело

31

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядко

**5 технологических прорывов XX века.
Авиация**

33

РАССКАЗЫ

Владимир Волков

Наши давние соседи

35

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Олег Болдырев

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «Роспечать»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге

«Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

123007, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 1507-2018

© «Роман-газета», 2018 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

В оформлении обложки

использован рисунок

Большаковой Марии

«Прыжок в воду»

Павел Гусев

Маленький СОЛДАТ

Художник А. Косильников

Голубь мира

Эту историю мне рассказал человек, отец которого защищал Родину во время Великой Отечественной.

Шли последние месяцы войны. В одном из боёв они освобождали занятый врагом дом. Противник ожесточенно защищался. Вся земля вокруг была усыпана осколками снарядов, битым кирпичом, перемешанным с грязью и чёрной копотью, и на этом фоне одиноко прыгал и не мог взлететь белоснежный голубь. Солдат Иванов, бывший на гражданке азартным голубятником, увидев мучения голубя, пополз ему на выручку.

— Куда ты?! — кричали ему солдаты из-за укрытия. — Подстрелят тебя.

Иванов ничего не слышал, даже не замечал свист пролетающих рядом пуль, — он упрямо полз к голубю. Добравшись, он взял его в руки и пополз обратно. Ни один выстрел не был произведён со стороны врага в это время — так они заужали бес страшного солдата.

А Иванов, будучи в безопасном месте, осмотрел голубя, поправил ему вывихнутое крылышко, наложил прутик и завязал жгутиком. Солдаты, кто как мог, тоже старались принять в этом участие. Тут послышалась команда: «В атаку, вперёд!» Иванов, засунув голубя за пазуху гимнастёрки, вместе со всеми пошёл в бой. Дом был освобождён.

Старшина удивился, а потом попросил показать. Иванов поднял гимнастёрку, и все увидели голубя — прижался, сидит тихо, видно, тепло ему, да и крылышко перестало болеть. Погладил старшина голубя и скомандовал:

— Отдать повару!

Только хотел солдат крикнуть, что не отдаст, как старшина, увидев в глазах солдата испуг, сказал:

— Ты, Иванов, меня неправильно понял. Пусть голубь пока поживёт у повара, там спокойнее и корм есть.

Отдал Иванов повару голубя, тот погладил его, уложил в коробку и, улыбувшись, сказал: «Пусть живёт!»

С этого дня каждый раз, как только солдаты располагались на отдых, Иванов приходил проведать своего голубя, а тот, словно узнав своего спасителя, громко курлыкал. Иванов снял с голубя повязку, и тот даже крылышками взмахнул. «Ему ещё рано летать, — подумал Иванов, — пусть подождёт до следующей встречи». — И прикрыл коробку, чтобы голубь нечаянно не выпорхнул.

А на следующий день объявили конец войны.

Иванов взял белоснежного упитанного голубя, встал в строй и перед всеми солдатами выпустил! Вначале голубь летал возле Иванова, словно не хотел улетать, за-

тем резко взмыл вверх. Помахал крыльями всем солдатам и скрылся. Тут разнеслось громкое раскатистое «ур-ра! ур-ра!», отдаваясь далёким эхом: «Ми-р! Ми-р!»

После демобилизации Иванов вернулся в родное село и однажды увидел, как над его домом кружится белый-пребелый голубь, очень похожий на того спасённого голубя Мира.

Кажется, он даже услышал радостное и знакомое курлыканье.

Чемпион

Если бы проходили соревнования по метанию камня на точность, то Дима, наверняка, был бы в свои двенадцать лет чемпионом. Он всегда с первого броска точно попадал в цель. Для этого он подбирал камни, которые удобно держать в руке, и всегда, на всякий случай, носил несколько в кармане штанов, если вдруг кто-то из ребят захочет с ним посоревноваться.

Вот и на этот раз он выиграл состязание у своих дворовых товарищей — разбил фонарь, который не горел несколько месяцев. Все играющие разбежались, а его отвели к председателю села. И только стали Диму ругать за недостойное поведение, как неожиданно грянул взрыв, и это повторилось несколько раз. Всё вокруг вздрогнуло, задрожало, и небо заволокло чёрным дымом с гарью.

Это началась Великая Отечественная война.

Дима жил недалеко от границы, рядом с чужой страной, откуда вероломно напал на нашу Родину враг и захватил их село. Немецкие танки с грохотом проносились в разные стороны, распахивая землю. Мотоциклисты подъезжали к домам, выгоняли всех живущих там на пустырь и, разделив на взрослых и детей, сажали по машинам.

Дима успел забежать в коровник и видел, как его маму гонят со всей толпой. Она было замедлила шаг, поглядела по сторонам, видно, искала его, но, получив от офицера удар в бок, упала. Её подняли и затолкали в кузов. Он понял, что если сейчас покажется перед немцами, его тоже схватят. Злость у него появилась на фрица, который ударил маму: «Куда же их повезут? — подумал он. —

Вот был бы папа рядом, подсказал бы, что надо делать! Да только он далеко в Красной армии служит».

Машины увезли всех сельчан, в селе стало очень тихо. Ночью Дима хотел бежать, но неподалёку стояли двое часовых. Утром в коровник нагрянули немецкие солдаты. Увидев его, они вместе с коровой вывели их во двор и громко захохотали, может оттого, что он, как Бурёнка, был весь в сене. Знакомый уже офицер пальцем поманил его к себе и стал ощупывать растопыренные карманы, потом замахал рукой, как бы приказывая: «Вытаскивай, что там у тебя?» Дима вывалил на землю булыжники.

Фрица, видно, они заинтересовали, и он позвал переводчика, чтобы тот перевёл слова для мальчика.

— Для чего тебе эти камни?

— Играть на меткость! — ответил Дима.

— Так попади в курицу! — ухмыльнулся он.

— Да я могу попасть даже в древко вашего флага, — невозмутимо ответил Дима.

И он поднял камень, покрутил его, слегка подкинул, как бы взвесив, и резко метнул, точно попав в древко. Знамя со свастикой рухнуло на землю. Офицер бросился его поднимать. Укрепил, с надрывом что-то прокричал, вскинул автомат и пошёл навстречу Диме.

Дима вспомнил, как этот немец прикладом ударил маму, и подумал, что ему точно достанется ещё хуже. Он с ненавистью вмиг схватил камень и что есть силы запустил во фрица, точно угодив в цель. Тот схватился обеими руками за глаз и упал. Дима опрометью бросился бежать. Раздалось щёлканье оружейных затворов, последовали выстрелы. Он успел забежать за сарай, а там местность знакомая: кусты, лес, болото.

Всю ночь Дима шёл, удаляясь от села, а утром повстречал идущий при полном боевом снаряжении отряд пограничников. Он рассказал им о бесчинствах немцев и как к ним скрытно подобраться. Его отправили в тыл, а позже он узнал, что та часть фашистов, что была в селе, уже уничтожена.

Вскоре Дима оказался на Урале в детском доме со многими своими ровесниками. Учился в общеобразовательной школе, а в свободное время показывал

своё мастерство, как правильно кидать камень в цель, увлекая ребят этой игрой.

Через некоторое время в школе появились новые спортивные соревнования: бег, гимнастика, плавание, и успевающим, победителям в таких состязаниях, вручали значок с названием «Готов к труду и обороне». Учащиеся стали увлекаться этими занятиями и постепенно потеряли интерес к киданию камней.

Прошло два военных года. Дима не получил от мамы никакой весточки. А папа его нашёл и приехал. Его демобилизовали по ранению. Сын был так рад, что готов был находиться с отцом весь день. Но тот устроился на работу взрывником по добыче полезных ископаемых и всегда возвращался домой поздно. Дима много раз просил папу взять его с собой на работу. Но получал один и тот же ответ: «Подрасти, сынок, окрепни немного, труд очень тяжёлый и условия сложные».

А он давно считал себя крепким. От занятий физкультурой Дима стал сильным, ловким, и учителя в школе поговаривали, если у него пойдёт так и дальше, вручат ему значок ГТО. И однажды папа сказал:

— Сегодня большой пласт земли будем снимать. Покажу тебе мирный

взрыв для благосостояния Родины. Увидишь, как богата наша земля-матушка.

На месте, куда отец привёл сына, Дима увидел вдалеке множество ярких флажков, обрамляющих контуры подрыва земляного пласта. Оттуда тянулся бикфордов шнур до самого укрытия, где находились инженеры и рабочие. Папа убедился, что никого нет на опасном участке, и скомандовал:

— Дима быстро вскочил, подобрал подходящий камень, кинул — и точно попал в фитиль, погасив его. Это произошло так быстро, что секунду стояла тишина... А потом все, кто стоял рядом с Димой, подхватили его и с радостным криком «Молодец!» стали подкидывать. А больше всех радовался папа, что его сын такой меткий и сообразительный.

С тех пор Дима получил прозвище, вернее, звание «Чемпион по метанию булыжников».

После окончания войны мама Димы вернулась из фашистского лагеря. Жизнь продолжалась со своими радостями и заботами. А Дима мечтал в будущем заниматься, как и папа, мирными взрывами.

Войска фашистской Германии вероломно напали на Советский Союз.

Пограничники первыми вступили в бой с противником и с трудом сдерживали его вторжение. Группа связи разведчиков то и дело докладывала в часть о продвижении врага, и полк менял дислокацию во избежание больших потерь, при этом нанося врагу неожиданные удары.

Однажды после очередного изматывающего дня, пройдя по болотам и через чащобы, связисты возвращались в часть. Решив перекусить, разложили под кустом паёк: хлеб, тушёнку. И тут вдруг в зарослях показалась маленькая чумазая голова пацанёнка в большой кепке, закрывающей даже уши. Он вышел навстречу солдатам, худой, в рваной одежде, с огромными глазами, оставившимися на еде.

— Ну, что стоишь, малыш? Иди поешь! — первым сказал ефрейтор Степан.

Пацанёнок сразу признал своих, сел посередине солдат и стал быстро поедать хлеб с тушёнкой.

— Ты не торопись, — смеются солдаты, — это всё твоё.

Утолив голод, пацанёнок продолжал сидеть посередине. Степан его спрашивает:

— Ну, теперь отвечай, откуда ты?

Он, не задумываясь, стал быстро говорить:

— Немцы, как вошли в село, взрослых и детей в разные стороны развели, забрали тятеньку, маманю и, тыча автоматами, куда-то погнали. Меня с ребятами стали сажать в вагоны. Я побежал. Немцы стреляли, вот в кепку попали. — И он показал её, простреленную насквозь. — Бежал долго и заблудился, чуть в болоте не утонул. Вас встретил, никуда отсюда не уйду! — выпалил он.

Солдаты задумались, лица их посуровели:

— Что будем делать с пацаном? — спросил всех Степан.

— Давай заберём его к себе, а там видно будет, — ответили ему.

В части доложили старшине о случившемся, он посмотрел на мальчугана, оглядел его с ног до головы, взъерошил грязные волосы и строго скомандовал

(хотя у самого в глазах искорки радости сверкали):

— Помыть его, переодеть, накормить и нехай живёт. Будет всем сынок, наш Гаврош! А ты, Степан, раз привёл его, так сшей ему форму.

С тех пор к мальчугану прилипло имя Гаврош.

Он оказался смекалистым, любознательным и скоро знал по имени всех солдат и старался разобраться в работе связиста. Ему это легко удавалось. Где бы часть ни находилась, он всегда был при старшине, помогал ему в деле. А Степан в свободное время сшил ему форму, одной иглой без швейной машинки, она получилась немножко нескладная, но была настоящая, солдатская. Когда отделение стояло в шеренгу перед инструктажем, старшина сначала останавливался перед Гаврошем, поправлял ему гимнастёрку и только тогда давал всем указания. Словно это был ритуал на счастье связистам, идущим в логово врага, который продвигался в глубь России.

Однажды старшина, принимая данные от разведки, то и дело хватал то одну, то другую трубку телефона и передавал донесения в полк. Тут быстро вошел майор и с ходу заявил:

— Я срочно еду в полк. Гаврошу тут оставаться опасно, надо переправить его подальше.

И, вытащив из планшета два пакета, отдал один старшине, другой положил обратно. Старшина, не отрываясь от аппаратов, обнял Гавроша одной рукой и с теплотой в голосе проговорил:

— Надо, сынок. Надо!

Мальчуган хотел было расплакаться, но сдержался. Майор посадил Гавроша в машину, дал полный газ, и они помчались, подпрыгивая на ямах и кочках. Только тут Гаврош дал волю слезам. Ему было обидно покидать друзей в самое тяжёлое для них время.

Проехав километров шестьдесят, майор остановил машину и вышел зачем-то. Гаврош воспользовался моментом, открыл противоположную дверь и, пригнувшись, побежал к опушке леса. Скрываясь за деревьями, он видел, как майор бегал, окликал его, потом посмотрел на часы, сел в машину и рванул с места. Гаврош побежал назад по дороге, по которой только что проехал. Чем бли-

же к части, тем сильнее чувствовался запах гари. Слышались взрывы снарядов. Оказавшись ещё ближе, увидел зарево горящих зданий. Ноги у него болели от не по размеру больших сапог.

Когда он пришёл в часть, какой-то солдат, испачканный копотью до неузнаваемости, выносил связное оборудование. Старшина то нажимал на зуммер,

из них лежал ефрейтор. Гаврош бросился к нему.

— Степанька, вставай! — тормозил его Гаврош.

Степан шевелил губами, но слов не было слышно. Одна рука у него висела, как плеть, другая была привязана к вертушке телефонного аппарата, видно, сил у него не было даже прокрутить её.

то крутил вертушку аппарата и кричал в трубку:

— Звезда! Звезда! Отвечай!

При виде Гавроша он явно удивился, но у него не было времени даже что-то сказать, и он продолжал вызывать:

— Звезда, отвечай!

Гаврош посмотрел на уставшего старшину, на провод, тянувшийся от телефонного аппарата куда-то в неизвестность, и пошёл вдоль него, крадучись, словно маленький зверёк: через заросли, через болота. Когда он был весь уже мокрый и в грязи, провод наконец-то привёл его к возвышенности. Ползком, незаметно он взобрался на неё и увидел много ям от взорвавшихся бомб. В одной

Тут стал нарастать лязг гусениц и шум моторов. Гаврош выглянул из-за укрытия. По направлению к ним, словно полчище тараканов, ползла колонна танков, рядом шли вражеские солдаты, будто большой рой муравьёв. Мотоциклисты с рёвом приближались всё ближе и ближе. Гаврош подумал, что там, за горой, никто не видит врага — ни солдаты-однопольчане, ни старшина.

И он взялся крутить вертушку:

— Я Звезда! Я Звезда! — кричал он звонким ребячьим голосом.

В трубке раздалось:

— Слушаю тебя, Звезда. Ответьте, какая обстановка.

— Рядом со мной много всякой техники, живой силы не сосчитать сколько.

— Как ты там оказался, Гаврош? — кто-то спросил испуганно.

— Стреляйте! Стреляйте по квадрату, где нахожусь. Они уже рядом!

На этом связь прервалась, в трубке принимающего связь послышался треск.

Когда орудия полка перестали стрелять по указанному месту нахождения врага, было уничтожено большое количество разной техники неприятеля. Враг бежал, преследуемый нашими бойцами.

Гавроша нашли присыпанным землёй и накрытым телом Степана — видно, он из последних сил спасал мальчугана. Гаврош лежал, как бугорок земли, без движения, крепко сжав в руке телефонную трубку. Старшина поднял его, прижал к себе и побежал к броневикам, ожидавшему их. Гаврош открыл глаза и тихо сказал:

— Тятя, я знал, что ты придёшь первым.

Скоро Гаврош был награждён медалью «За отвагу», и ему было присвоено звание ефрейтора.

Сержанту Степану было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Гаврош прослужил в отделении связи у старшины до конца войны, до самой победы над врагом.

Демобилизовались они вместе.

Для старшины Гаврош навсегда остался сыном.

Отличный пограничник

Это была цирковая династия: Лёня с папой и дедушка. Раньше они выступали, занимаясь джигитовкой на скачущих лошадях. Но папу забрали в армию, и дедушка перешёл на дрессировку волчонка. Волчонок вырос большой, сильный, сообразительный, и называли его Серый. Дедушка подогнал волку сбрую, будто он лошадь. Лёня садился верхом на него и махал саблей. Делая акробатические упражнения, он мчался по арене под ликование зрителей. Лёня был мал росточком, но крепкий паренёк. Ему шёл седьмой год.

Самый главный номер у них был, когда дедушка с кожаным портфелем обходил зрителей и раздавал им листочки с буквами. А волк позже обходил посети-

телей, находил у них листочки и нёс на арену, складывая в слова:

— Цирк начинается!

Зал рукоплескал, а дедушка из портфеля вынимал что-то вкусное и давал Серому в качестве вознаграждения. После этого Лёня верхом на волке уезжал, а дедушка, собрав все буквы в портфель, бежал за ними, догоняя своих партнёров.

Как-то дедушку и Лёню пригласили выступить с концертом в погранотряде недалеко от границы. Они уже не первый раз там выступали и радостно согласились. На их представление собрался полный зал: офицеры, солдаты и штатские. Зал дружно смеялся, увидев, что волк лошадью стал, и восхищался лихим седоком — мальчиком, мчавшимся на нём по арене.

На следующий день с раннего утра дедушка, Лёня и Серый поехали на машине давать концерт в комендатуре. Проехав несколько километров, они услышали над собой гул и рёв пролетающих самолётов. И первый снаряд, выпущенный с противоположной стороны границы, взорвался прямо рядом с машиной. Это началась Великая Отечественная война.

Машину перевернуло. От взрывной волны Лёня обо что-то ударился и потерял сознание. Он очнулся, когда кто-то стал его сильно трясти. Лёня открыл глаза. Солнце уже шло на закат. «Видно, я долго лежал без сознания», — подумал он и увидел рядом кованый сапог. Над ним стоял солдат в немецкой форме. Лёню подняли за воротник курточки и повели мимо хохочущих фрицев, мимо тархтевших мотоциклов и военных, расквартированных уже по хатам. Его привели в просторный дом, за столом сидел человек в блестящих погонах.

«Наверно, это начальник, офицер», — решил Лёня.

А тот поставил на стол открытый портфель и спросил:

— Твой?

Лёня узнал свой портфель и поэтому ответил:

— Мой!

— Что за секрет в листочках с буквами? — задал вопрос офицер.

— Да это цирковой реквизит. Мы с дедушкой концерт давали.

Начальника, видимо, Лёнины слова заинтересовали, и он спросил:

— А много зрителей было в зале? И что ты там видел?

«Так он по количеству людей хочет определить, сколько военных здесь!» — сообразил Лёня и ответил:

— Я на арену смотрел, мне было не до этого.

Тут Лёня получил затрещину и упал.

— Отвечай, когда спрашивают! — с надрывом закричал начальник, позвал солдата, что-то прочеканил ему по-немецки и вышел, а часовой остался.

дверь резко распахнулась, и в помещение влетел Серый волк. Был он страшен: огромный, шерсть взъерошенная, пасть раскрыта, язык висит до груди. Часовой как стоял, так и обмер. Лёня прыгнул на спину Серого, ухватил его за ошейник, и волк каким манером влетел, таким и вылетел — только их и видели.

Пришёл офицер. Увидел: нет мальчика! Спрашивает: «Где он?» Часовой стоит, глаза вытаращил и бред несёт: «Его

Лёня вытер опухшую губу и задумался: «Что бы мне придумать? Как удрать отсюда? И где сейчас дедушка и Серый?»

Обычно, если Лёне нужен был волк, то он свистел ему и тот немедленно прибегал. Но сейчас опухшая губа не слушалась, он и хотел бы это сделать, но получалось одно гудение. Превозмогая боль, Лёня сложил губы и ещё раз сильно дунул. Вначале свист получился слабенький, но затем звонче, и он повторил его ещё раз. Часовой оглянулся. Тут

волк унёс!» Сочли, что солдат умом тронулся.

А Серый с Лёней уже мчались в отряд. Там их встретили. Волк где-то поранился, рана кровоточила, её промыли, подлечили. Лёня же рассказал сколько видел вражеских фрицев, и даже нарисовал, где что находится.

В эту ночь пограничники отбили у врага хутор, дали время подойти нашим войскам ближе к границе. Но неприятель был силен.

Лёню и Серого решили отправить в тыл. Волк от еды отказался и всё прислушивался к шуму надвигающейся канонады, а потом вдруг неожиданно исчез, и никто этого не заметил. Связисты даже позвонили в полк, предупредили: «Если увидите собаку или волка, не стреляйте!»

Только к вечеру Серый вернулся, и не один, а с портфелем в пасти, а позади него медленно брёл дедушка. У волка сбоку было красное пятно, не то от старой раны, не то он выдержал очередной бой. Но самое важное — когда открыли портфель, там обнаружили карты наступления немцев.

Дедушка рассказал, что, когда его допрашивали, фриц-начальник отобрал портфель и приспособил его для своих дел, а потом неожиданно ворвался Серый и устроил целое сражение.

Солдаты слушали дедушку и с уважением поглядывали на волка. А начальник отряда похлопал по холке Серого и произнёс:

— Герой! От имени всех однополчан за доставленные ценные данные награждаем тебя знаком «Отличный пограничник» — и закрепил его на ошейнике Героя.

Дедушка тоже подошёл к Серому, достал что-то из заветного портфеля и дал

ему. Волк с удовольствием съел и попросил добавки.

На следующий день Лёня с дедушкой направились в тыл, чтобы дать там концерт.

Герой Серый до самой победы над врагом участвовал со своими верными друзьями в цирковых представлениях и гордо носил на ошейнике знак «Отличный пограничник».

Конёк-горбунок

Ворон летел за голубем, хотел его клюнуть, но тот изловчился и сел во дворе возле конюшни. Оттуда вышел парень лет пятнадцати, но не по возрасту одетый — в гимнастёрке, брюках галифе, больших сапогах — и шугнул ворона. Тот, каркая, улетел, а голубь остался. Мальчик насыпал ему горсточку овса и заботливо сказал:

— И откуда ты взялся? Все птицы давно покинули деревню. Испугались шума доносившейся канонады. Набейся сил и тоже улетай!

И правда, вдалеке раскатисто загромыхало, казалось, что по всему горизонту идёт и приближается страшная гроза. Это напала и надвигалась на Родину вражеская немецкая армада.

Юноша вывел из конюшни лошадь: маленькую, приземистую, с большой блестящей, хорошо ухоженной гривой. Вся шерстка на ней смотрелась будто плюшевая. Была она уже в сбруе, с седлом, удилами и поводьями. Сбоку у неё висела в ножнах сабля и кнут из высушенной козьей ноги — у кавалеристов такой кнут считался шиком.

Из дома, стоящего рядом, выбежала женщина и кинулась к мальчику.

— Петя, я тебя не пущу. Отец ушёл на фронт, ни одной весточки от него нет, и ты собираешься туда же. Не пущу! Ты единственный помощник остался.

— Мама, — отвечает сын, — я тебе давно говорил. Тут недалеко кавалерийский эскадрон. Я еду туда, не возьмут меня — вернусь! А тебе сегодня надо уезжать. Придёт машина, и тех, кто остался ещё в деревне, отвезут в тыл.

Мать знала настойчивость сына, весь в отца, что задумает, уже не остановить.

Она надеялась, что он вернётся, обняла его, перекрестила.

Сын лихо прыгнул на лошадь, похлопал её по холке и скомандовал:

— Пошла, Пулька!

Лошадь сразу поскакала, а он то и дело оглядывался, махая рукой матери.

Весь день Петя добирался до места назначения, шум канонады доносился всё ближе и громче. Его останавливали патрули, заставляли разворачиваться обратно домой. Но он обходил их стороной и к вечеру оказался в кавалерийском эскадроне. Встретили его не так, как он ожидал. Недоброжелательно.

— Ты зачем, малец, сюда пожаловал? — сердито спросили его.

— Я хочу служить у вас в кавалерии, — не моргнув глазом, отчеканил он.

— На этом Коньке-Горбунке? — заулыбались военные.

Видно, их заинтересовал этот мальчик и его смешная лошадка, и они поинтересовались:

— А что ты умеешь делать, как боец?

— Всё, чему научил меня папа-кавалерист! — ответил он.

— Ну, тогда сними вон ту фуражку, висящую на жерди.

— Это я могу, — заверил Петя. — Только пусть Пулька немного отдохнёт.

И тут он вытащил из грудного кармана гимнастёрки маленький кусочек сахара, который сейчас был для всех редкостью, взял лошадь за уздцы и отдал его ей. Она с наслаждением, закрыв глаза от удовольствия, захрустела.

Потом Петя выхватил саблю из ножен, прыгнул в седло, сел стройно, как кавалерист на параде, и высоко взмахнул саблей. Пулька, словно услышав его приказ, рванула с места галопом.

Петя, не останавливаясь перед жердью, махнул саблей по фуражке, да так хорошо её поддел, что она упала не повреждённой. Кавалеристы от удивления долго молчали, а потом разом заговорили:

— Ты молодец, и твой Конёк-Горбунок тоже.

Тут подошёл командир эскадрона и спросил:

— Как звать тебя, мальчик?

— Петя.

— Сколько лет тебе?

— Семнадцать.

— Паспорт покажи.

— У меня только метрика.

Прочитал командир документ, увидел в нем, что Пете только пятнадцать лет, улыбнулся и сказал:

— Кавалерист-то ты, я вижу, отменный, но мал ещё, чтобы служить в армии. Подрасти немного. Сейчас поешь и — спать. Коня твоего тоже накормим. А завтра с утра отправляйся домой.

Рассвет ещё не наступил, когда раздался тревожный звук трубы, она трубила сбор: «По коням!» Весь эскадрон враз собрался на оседланных, встревоженных предчувствием боя конях.

Петя замешкался. Пока разбирался у Пульки с ремнями, удилами и поводьями, кавалеристы ускакали, и он помчался вслед за ними. Его заметили уже, когда они все, придерживая коней, стояли на краю лесной чащи. Командир подошёл к Пете и строго приказал:

— Последним поедешь и так всегда держать! — а сам стал пристально разглядывать в бинокль незнакомый посёлок.

Кавалеристы разделились на две группы, все рысцой, затем галопом помчались на посёлок. В окна домов полетели гранаты, раздались взрывы, лязг сабель

и хрип лошадей. Фрицы выбегали, но их настигали кавалеристы. Бой закончился так быстро, что враг не смог опомниться, и их кони не успели разбежаться.

Кавалеристы готовились возвращаться в полк, вдохновлённые, что у них нет потерь. Пете с его лошадкой разрешили ехать впереди всей конницы. Только они тронулись в путь, как Пулька встала и не с места, уши у неё ходуном ходят, ноздри раздулись. Впереди, возле дороги, виднелось какое-то строение, не вызывавшее никаких подозрений.

— В чём дело? — спросил Петю ехавший рядом конник.

— Пулька что-то почувствовала, — говорит Петя.

Напарник улыбнулся, не поверил, но на всякий случай доложил командиру. Тот послал пеших разведчиков, чтобы они скрытно, незаметно всё разузнали. Скоро строение разлетелось от мощного взрыва. Оказалось, кавалеристов там ждала вражеская засада пулемётчиков.

— Нас бы тут много поглотило, не предупреди нас Конёк-Горбунок... Наш малыш — молодец! — ласково хвалили его кавалеристы.

Кто-то дал Пульке кусочек сахара, от которого она не могла отказаться, — это было её любимое лакомство. Петя не удивлялся чутью своей лошади, она и раньше осторожно обходила все незнакомые места.

С тех пор Петю оставили в полку, стал он настоящим кавалеристом, на полном довольствии и в почёте. Форму ему подогнали по размеру, и звать стали как взрослого — Пётр, а лошадке пристало прозвище Горбунок.

Кавалерийский эскадрон продолжал громить врага, нагоняя на него страх своей внезапностью. Фашисты же вели на них настойчивую охоту на мотоциклах с оружием, пытались догнать и уничтожить своим количеством.

Однажды, чтобы оторваться от неприятеля, нужно было пройти через поле необранного картофеля. Пулька неожиданно встала возле него и дальше не идёт. Петя не стал её подгонять, догадался — зря она не заупрямится. Позвали конника, разбирающегося в минах. Опасение подтвердилось. Он провёл весь эскадрон по одной безопасной тропе, и, лошадь за лошадью, они, счастливые, перешли через поле. Тут Горбунку до-

стался уже не один кусочек сахара, а целая горсть. Он хрустел, и слюна от наслаждения капала у него изо рта.

Пётр со сплочёнными воинской дружкой кавалеристами участвовал во всех боях летом и осенью. Зима наступила неожиданно холодная, со студёным ветром. Снег шёл, не переставая, и запорошил всё на пути эскадрона. В этот момент их и окружили вражеские танки.

Петя вытащил из нагрудного кармана остаток сахара и дал Пульке. Отпустил свободно поводья и похлопал лошадь по гриве. Петя никогда не стегал лошадь плёткой, она была только для форса. Горбунук встрепнулся, зафыркал, развернулся и пошёл в другую сторону. В начале пути снега было много, но чем выше кавалеристы поднимались за Горбунком, тем меньше его ста-

— Против танков саблями не повоюешь, — заявил командир, — надо выбираться!

А куда, в какую сторону — везде фрицы. Лошади устали, по грудь в снегу — они даже не шли, а толкали своим телом плотный снег, с трудом пробивая путь.

«Хуже нет, чем неизвестность, когда не знаешь, куда идти», — думали кавалеристы.

— Товарищ командир, дайте Пульке самостоятельность! Она нас выручит! — предложил Пётр.

Командир подумал: «Не первый раз спасает Горбунук, может, и на этот раз выручит».

новилось, видно, ветром сдувало, даже местами появились кусты. Скоро весь эскадрон взобрался на возвышенность. Неожиданно с противоположной стороны показалась огромная колонна танков со звёздами на броне, на которых находились солдаты в белой маскировочной форме и с автоматами на перевес.

Командир кавалеристов поднял высоко красное знамя, но тут раздался выстрел. Видно, целились в него, а попали в Горбунка, который стоял рядом и загородил командира.

Пулька упал вначале на передние ноги, потом на задние и рухнул на землю.

— Занять оборону. Огонь! — разнеслось по эскадрону.

Как позже узнали, в кустах находился вражеский снайпер-корректировщик.

Пётр наклонился над Горбунком. Его огромные глаза словно говорили: «Извини, друг, я не хотел тебя огорчать. Так получилось». Конь уткнулся головой Пете в грудь, где у того в кармане всегда был сахар.

Тут подошли кавалеристы, у кого остался сахар или песок от него, положили рядом — большая сладкая горка выросла возле рта Горбунка. В глазах его застыло молчаливое «Спасибо!»

Откуда-то появился ворон. Он громко и тревожно каркал с высоты.

Прошло какое-то время. Петю отправили учиться в военное училище на офицера и в дальнейшем служить в пограничной кавалерии, а эскадрон ещё долго воевал, до самой Победы! За Родину, за Горбунка!

Маленький СОЛДАТ

Враг неожиданно напал на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война.

Стрелковой части выпало вести бой с превосходящим в военной технике противником, и приходилось то отступать, то наступать. Старшина то и дело принимал пополнение новобранцев. Вот и на этот раз к нему прибыло тринадцать солдат из разных родов войск, уже обученных военному делу. Все высокие, широкоплечие, как на подбор, и только один маленький, в лихо надвинутой на затылок пограничной фуражке.

Старшина познакомился со всеми, узнав имя, отчество и только последнего солдата долго разглядывал: «И зачем таких маленьких берут в армию? Ну ладно, сидел бы в засаде на границе, его там не видно, а тут винтовка в два раза выше его. Да он даже среди кирзовых сапог затеряется». А боец стоит и тоже со старшины глаз не сводит, даже не шевелится, винтовку крепко в руках держит — видно, сила в нём есть.

— Утро началось с далёкой канонады, слышались глухие взрывы, казалось,

земля зашевелилась. Бойцы расположились в подготовленном окопе. Приникли к брустверу и глядели в даль, где был противник, но из-за серого тумана, надвигающегося волнами, ничего не было видно. По команде старшины солдат-знаменосец высоко поднял красное полотнище. Знамя в его руках даже не шелохнулось, словно предчувствовало, что главная его цель — впереди.

— В атаку, вперёд! — разнеслось по окопам.

И тут со стороны врага застрочил пулёмёт, древко разнесло в щепки. Вражеский пулёмётчик, видно, был классным специалистом по меткости и, казалось, насмехался над всеми.

Чтобы не терять бойцов, старшина командовал: «Всем в окоп!» — и, схватив телефон, стал докладывать обстановку в штаб, чтобы данный объект врага не бомбили, под обстрел могут попасть свои.

— Дайте пять минут на обдумывание, — заявил он в трубку.

Маленький слышал весь разговор и, пока старшина продолжал что-то громко говорить, спрятал знамя, связал ремнём несколько гранат, нахлобучил фуражку пограничника до самых глаз, перепрыгнул через бруствер и пополз.

Это случилось так быстро, что сослуживцы не успели ничего ему сказать, а старшина увидел только подмётки сапог удаляющегося Маленького и крикнул:

— Назад, боец! Назад!

Но он молчал и упрямо полз в сторону врага.

Туман уже рассеивался, все прильнули к брустверу, и старшина со всеми, не отрываясь, глядел на удаляющегося солдата. Маленький полз, и со стороны своих было видно, как он лихо прятался за камнями и в кустах, продвигаясь к цели.

Старшина то и дело от переживания тёр висок, дал указание не шуметь, словно успокаивал неприятеля, что ни один солдат не пойдёт в атаку.

Маленький уже близко подобрался к дзоту, из которого стрелял противник. Его заметили, и пули защёлкали по валуну, за которым он успел спрятаться. Не останавливаясь, проявляя чудеса ловкости, он прыгал от валуна к бугру, словно заяц, и полз по земле, по траве, будто змей невидимый. Его даже враг потерял из виду, строчил из пулёмёта куда попало. Маленькому этого было до-

статочно, чтобы быстро оказаться там, где укрылся враг. Он бросил в амбразуру дзота связку гранат. Грянул мощный взрыв.

Когда чёрный дым рассеялся, все увидели Маленького с развевающимся красным знаменем. И всем показалось, что он был похож на великана. Солдаты, воодушевлённые героизмом однополчанина, словно связанные чем-то воедино, враз примкнули штыки к винтовкам и бросились в атаку. Громкое «ура» долго доносилось с разных сторон поля боя и замолкло лишь тогда, когда враг был разгромлен.

После боя старшина вызвал Маленького и сказал ему, словно протеканил:

— За смелость и сноровку будешь награждён! А за невыполненный приказ «Назад!» — наряд вне очереди: двое суток чистить картошку у повара!

Маленький понял — старшина его пожалел: чистить картошку — это всё равно, что получить увольнение на отдых.

Когда Маленький вернулся в часть, все солдаты почему-то больше не называли его по фамилии. А звали «Великан». А он был не против.

Седая прядь

Почтальонша знала всех живущих в селе и могла безошибочно определить, хорошую весточку или нет несёт им, и очень переживала, когда доставляла извещение о смерти близкого человека.

Шла Великая Отечественная война, и ей не раз приходилось уже вручать эти страшные вести с болью в сердце.

Вот и сейчас она получила открытку о гибели мужа одиноко живущей тёти Маруси. Была она нестарая, но жизнь с её заботами и переживаниями сделала её прежде красивое лицо серым и осунувшимся, испещрённым морщинами, только густые черные волосы остались незадетыми сединой.

Тетя Маруся каждый день, в один и тот же час, когда почтальонша проходила мимо, стояла возле калитки, надеясь, что та завернёт к ней. Вначале она спрашивала: «Есть ли для меня какая весточка?» А потом стала просто молча провожать её взглядом.

Сегодня у почтальонши страшная весть для неё — смерть мужа. Она не спеша подошла к вышедшей, как всегда, Марусе, взглянула на неё, увидела в её глазах ожидание, страдание и, сказав ей: «Здравствуйте», прошла мимо. Так и не решилась отдать ей этот клочок бумаги. Где-то в душе она засомневалась в её правдивости — всем присылали извещение на бланке, а тут на обычной открытке...

Придя на почту, по адресу отправителя и печати на открытке узнала, откуда пришла весть. Это был госпиталь, где, по-видимому, находился Иван на лечении. С этой новостью она пришла к председателю, недавно вернувшемуся с фронта и приступившему к восстановлению разрушенного войной села. Он прочитал, повертел открытку и усталым голосом стал рассуждать:

— Очень странно. Я хорошо знаю Ивана. Он любит жену, хороший хозяин, механик отличный, силой не обделён. Фамилия у него под стать — Глыба. Что-то тут не то. Завтра с утра съезжу туда! Госпиталь недалеко — сто километров.

На следующий день, только наступил рассвет, председатель запряг лошадей, положил в телегу большую охапку сена и тронулся в путь, провожаемый почтальоншей и любопытными сельчанами.

К госпиталю он подъехал, когда солнце едва освещало старый особняк с высокими ступеньками, на которых расположились в серых халатах раненые солдаты: видно, собрались погреться на солнышке, покурить и поговорить.

— Где тут Иван Глыба? — спросил председатель ближайшего к нему раненого без руки. Тот странно посмотрел на него и тихо ответил:

— Глыба-то, да вон, посмотри, что от него осталось!

Председатель взглянул туда, куда ему указали, и увидел Ивана. Он сидел на нагретой солнцем ступеньке, не шелохнувшись, и смотрел, не отрываясь, куда-то в даль.

— Ваня! — окликнул он его.

Тот вздрогнул, на миг глаза его посветлели, а потом вновь стали безучастными.

Председатель обнял его:

— Что ты, Ваня, напугал нас всех, тебе ещё жить да жить. У тебя руки золо-

тые, а то, что ног нет, так мы тебе сделаем замечательные протезы. Супруга твоя Маруся ждёт не дожждётся тебя домой.

Они долго так беседовали. Председатель уговаривал его вернуться домой, даже грудь свою показал, всю простреленную, словно сито.

От убеждений или от тёплых слов Иван оттаял, успокоился.

«Может, и правда у меня всё хорошо сложится», — промелькнула мысль у него, и глаза приобрели яркий цвет голубого неба.

Он надел гимнастерку, увешанную от плеча до пояса орденами и медалями за героизм и за мужество. Его посадили в телегу со скрипучими колёсами, и, провожаемые молчаливыми взглядами солдат, медсестёр и врачей, они тронулись в путь.

Иван сидел на трясущейся телеге, изредка переговаривался с председателем и то и дело нюхал сено, до боли в груди напоминающее ему родной дом. Подъезжая к селу, они издали увидели приближающуюся к ним толпу ликующих односельчан. Они кидали вверх шапки, поднимали букеты цветов и радостно кричали:

— Победа! Победа!

Стало ясно: закончилась безжалостная война. Маруся кинулась к мужу, обняла его, платочек слетел с головы, и на лицо Ивана упала такая знакомая прядь волос, только была она сейчас вся седая.

Павел Павлович Гусев родился в 1930 году в Москве.

В 1941 году был отправлен в город Иваново в детский дом, потому что отец, Павел Павлович, ушёл на войну, а мама, Анна Фёдоровна, в составе хора имени М. Е. Пятницкого выступала с концертами в поездках по фронтам.

В 1945 году Павел вернулся в столицу. Поступил в Художественно-ремесленное училище, окончил его с отличием и в 1949 году был направлен в качестве резчика по дереву на восстановление павильонов ВДНХ.

С 1951 по 1954 год служил в пограничных войсках в Аджарии.

С 1954 по 1990 год работал на киностудии «Союзмультфильм» художником игровых кукол, параллельно учился в Художественном училище прикладного искусства, писал сценарии для телевидения и сказки для детей в Издательстве «Малыш». Постоянный автор журнала «Детская Роман-газета».

Награждён Золотой, Серебряной и Бронзовой почётными медалями в области искусства и медалью «За доблестный труд».

Заслуженный работник культуры РСФСР.

Член Союза кинематографистов СССР.

Светлый образ Русской земли

Павел РЫЖЕНКО

Художник Павел Викторович Рыженко родился 11 июля 1970 года в Калуге. Светлый образ Русской земли и её многострадальной истории стали для него источником вдохновения.

Годы учёбы в Московской средней художественной школе при институте им. Сурикова (1982–1988) — открыли перед юношей новый мир. Мир залов Третьяковской галереи и улочек Замоскворечья. Мир запахов масляной краски, благоговейной тишины и одновременно — многообразие большого современного города.

Служба в армии лишь укрепила в правильности выбранного пути — пути живописца. Поэтому первая половина 1990-х прошла в Российской академии живописи, ваяния и зодчества, где учителем и наставником Павла стал народный художник

И. С. Глазунов. Это были годы исканий, размышлений, осмысления истории своей страны и своего народа.

К моменту написания дипломной работы «Калка» приходит осознание своего творческого назначения — разбудить генетическую память своих современников, гордость за своё Отечество.

За годы преподавания в Российской академии живописи, ваяния и зодчества (1997–2007), работы в Студии военных художников им. М. Б. Грекова (2007–2014) Павел Рыженко сформировался не только как выдающийся исторический живописец, но и как мастер диорамного искусства.

Размышления об историческом прошлом своей Родины приводят художника к поиску духовных основ, в его творчество органично входит религиозная тема.

За свою столь неожиданно оборвавшуюся в момент наибо-

Иоанн Богослов. Остров Патнос

Малюта Скуратов

Святослав. Цимисхий

Невская битва

Сергий Радонежский

Ослабя в Троицкой обители

Царь Алексей Михайлович (Тишайший)

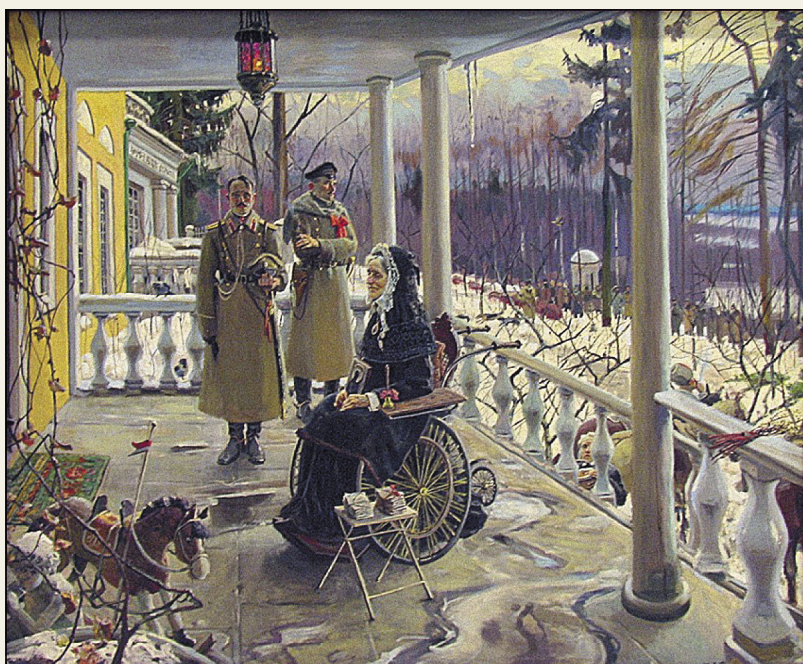
Поле Куликово

Великокняжеский меч. Дмитрий Донской с сыном Василием

Брусиловский прорыв

Материнское благословение

лее полного расцвета творческих сил жизнь Павел Рыженко создал галерею образов эпического масштаба («Победа Пересвета», «Царево молчание» и др.). Всеобъемлющую панораму истории отражают диорамы «Крещение Руси», «Стояние на реке Угре», «Начало войны 22 июня 1941 года».

В 2011 году за высокие достижения в изобразительном искусстве и развитие духовно-патриотической темы Павел Рыженко был удостоен почётного звания — заслуженный художник Российской Федерации.

Скончался Павел Рыженко 16 июля 2014 года.

Фотография на память

«Не позволяй душе лениться!»

О Николае Заболоцком не скажешь привычно, что он поэт. Его судьба подсказывает и такие ипостаси, как — философ, природовед, переводчик, и даже в поэзии — мыслитель, простиравший свой взгляд в космические выси... И понятно, что жизнь такого человека не могла быть ни ровной, ни благополучной, учитывая непростые для России годы, в которые он жил.

Давно известно, что всё начинается с детства. А Коля Заболоцкий провёл его в селе Сернул Уржумского уезда Вятской губернии, а село — это прежде всего природа, да ещё и отец — агроном, тесно связанный с землёй и волевыми неволей передавший этот интерес сыну,

как и глубокое уважение к труду крестьянина, понимание первичности этих вещей перед всеми другими. Не случайно в его творческом багаже есть поэма «Торжество земледелия», хотя и насыщенная многими парадоксальными вещами, о чём речь впереди. Но даже в позднем периоде своего творчества, когда круг тем и литературный стиль вышли на классический уровень, эта близость к природе, любовь к её пленительным тайнам органично вплетались почти в каждую строку.

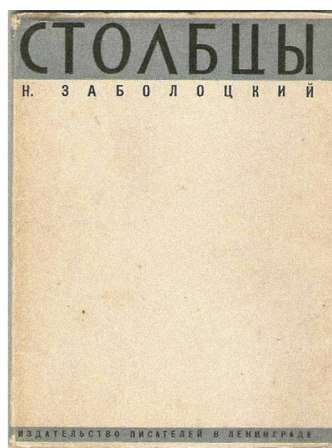
...Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.

Значит, даль не навек занавешена
Облаками, и, значит, не зря,
Словно девушка, вспыхнув, орешина
Засияла в конце сентября.

Вот теперь, живописец, выхватывай
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовый
Нарисуй эту девушку мне.

Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.

(«Сентябрь») 1957

Окончив Уржумское реальное училище, Николай едет в Москву, уже зная о своей любви к поэзии, перечитавший немало книг, хорошо уже знакомый с литературными течениями на тот период, выделяя для себя творчество Александра Блока и Анны Ахматовой. Но и пристально вглядываясь в смелую по

Коля Заболоцкий

стилю поэзию тех же обэриутов («Объединение реального искусства»), что не прочь были удивлять читателя экспериментами и со словом, и с темами, а заодно и самим отношением ко всему привычному в культуре, и не только. Заболоцкий охотно озадачивал любителей словесности неожиданными сочетаниями слов, иронией, а то и сарказмом в отношении устоявшихся привычек и вкусов обычных людей.

...И под железный гром гитары
Подняв последний свой бокал,
Несутся бешеные пары
В нагие пропасти зеркал.
«Свадьба». 1928

Не удивительно, что первая книга Николая Заболоцкого «Столбцы», вышедшая в 1929 году, когда почти все «инженеры человеческих душ» были на постоянном контроле у власти, автора сборника обвиняли во всех грехах, главный из которых — расхождение с официальным курсом Страны Советов, строящей социализм. Но, слава богу, обошлось, не так ещё известен был поэт, думали — покуражится и остепенится.

Но у Заболоцкого были свои планы, своё, предначертанное творческой судьбой, развитие.

К примеру, Николай Алексеевич был прекрасным знатоком живописи, понимал её, вбирал в душу её волшебство и глубину. Вот почему в лучших его стихах любовь к природе, как правило, со-

Дом, где жил Н. Заболоцкий

седствует с живописью в слове, поднимая строки к высотам красоты и духа, придавая стихам глубокий смысл.

...И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диких
В его живых чертах распознаёшь.
«Вечер на Оке». 1957

А в другом стихотворении Николай Алексеевич напрямую призывает писателей:

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.
«Портрет». 1953

В своём стремлении к совершенству Николай Алексеевич хотел проникнуть во все сферы человеческой мысли, и на его полке не дремали труды Энгельса, Тимирязева, Вернадского, Эйнштейна, Фёдорова и других учёных. Заболоцкий очень ценил работы Циолковского о космосе, дорожил дружбой с ним, что положительно отражалось и на его творчестве.

Однако блюстителями «правильной» поэзии стихи Николая Алексеевича то и дело встречались в штыки, особенно после опубликования поэмы «Торжество земледелия» в 1931 году, которая вызвала не просто критику, но и вал травли Николая Заболоцкого. Произведение было расценено как «пасквиль на коллективизацию», и двери большинства журналов и издательств были наглухо перед ним закрыты.

При всём при том надо было зарабатывать на жизнь, и Заболоцкий при поддержке Самуила Маршака поступает на работу в Ленинградское издательство по выпуску детской книги и пишет для детей, сотрудничая в журналах «Чиж» и «Ёж». Да и позднее Николай Алексеевич не раз возвращался к детской теме, и нередко с улыбкой.

...Опротивели Марусе
Петухи да гуси.
Сколько ходит их в Тарусе,
Господи Исусе!

«...Чтоб глаза мои на свете
Больше не глядели,
Петухи да гуси эти
Больше не галдели!»

«Городок». 1958

В 1937-м наконец вышел новый сборник Поэта, который был назван «Второй книгой». Он уже начал работу над поэтическим переложением «Слова о полку Игореве», строил планы на будущее... И вдруг как гром среди ясного неба — арест, обвинение в антисоветской пропаганде... И Николай Алексеевич сполна хлебнул лиха в лагерях Дальнего Востока и Алтайского края, позднее, будучи в ссылке, — в Караганде, где вернулся к творчеству. И только в 1946-м, уже закончив работу над «Словом...» и предъявив её как своеобразный пропуск, Поэт получил разрешение вернуться в Москву.

...Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растёт крамола меж князьями,
И не видно от князей добра...

В это, последнее десятилетие жизни Поэта из-под его пера выходят такие признанные уже временем стихи, как «Некрасивая девочка», «Не позволяй душе лениться», «Признание», (хорошо известное нам по песне «Очарована, околдована...»), «Противостояние Марса», «Можжевельниковый куст» и другие.

Н. Заболоцкий с женой и сыном. 1934 г.

Вот, к примеру, уже давно любимая читателем «Некрасивая девочка», где каждое слово наполнено любовью и мудростью автора.

...И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движении.
А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

1955

Подорванное в лагерях здоровье, крутые перипетии в личной жизни не позволили Заболоцкому продлить плодотворные творческие годы. Именно в этот период родилось стихотворение «Не позволяй душе лениться». И сам он работал до последнего дня, 14 октября 1958 года.

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Жизнь с телевизором

Ночью море поссорилось с ветром. Большие волны закрутились в штормовой пляске и долго не могли успокоиться. А на рассвете невыспавшиеся рыбки обнаружили на морском дне старенький телевизор.

— Не работает! — огорчённо сказала серебристая рыбка с большими глазами. Она имела чувствительный характер и умела предсказывать даже самую жуткую погоду. Поэтому и называли её: рыбка — землетрясение.

— Не беда! — Рыбка-рыцарь в чешуе, напоминающей воинские доспехи, галантно махнул хвостом. — Я могу сплывать за рыбой-инженером. Пусть чинит!

Красновато-серая рыбка-барабанщик восторженно запела, издавая громкую барабанную дробь.

— Ах ты, мордашка выпуклая! Бородатый скрипун! — рассердилась голубая рыба-ворчун с чёрными пятнышками. — И так всю ночь не спали, ещё и на рассвете музыку включила! Я на тебя пожалуюсь рыбке-генералу!

— Мадам, если вы подремать желаете — идите в кораллы, — предложила худенькая рыбка-весло. — А, нам телевизор хочется посмотреть! Мне подружка-селёдка рассказывала, что по телевизору весь мир можно увидеть!

— Лучше самому путешествовать! — не согласился рыбка-путешественник. — Я с Тихого океана в Охотское море ходил и в Беринговом море был, даже в заливе Аляски купался!

— Не у всех такие возможности! — просвистела рыба-свистулька.

— Без телевизора скучно! — поддержала её рыбка-весло. — Где-то далеко, быть может, и

есть что-то прекрасное, а у меня под носом ничего интересного не происходит!..

Рыба-инженер был занят строительством подводного тоннеля и наотрез отказался чинить телевизор.

— Я много чего умею, — пробурчал инженер, сверкая жёлтыми полосками на чёрной спинке. — Могу дом построить, траншею вырыть или тоннель с галереями. А в телевизорах — ничего не понимаю и не смотрю их. Некогда мне!

— Дамы расстроятся, — прошептал рыбка-рыцарь...

В ожидании починки телевизора рыбка-телескоп побранилась с электрическим скатом. Скат хотя и считался рыбой, но имел в своём организме электрические органы. А потому решил, что телевизор — его дальний родственник, и должен жить у него.

— Пылесос тоже на электричестве работает! — выдохнула рыбка-телескоп. — Он тебе кто? Дедушка? Или племянник?

— Ты своими странными глазками на меня не сверкай! — рассердился скат. — А то как пальну в тебя электричеством! Сразу про телевизор забудешь!

— Хорошие у меня глазки! — обиделась рыбка. — Одна часть каждого глаза вверх смотрит, другая — вниз. Работают как телескоп! Если разобраться, то у меня с телевизором гораздо больше сходства, чем у тебя, хулиган электрический!

— Тогда — включайся! — ехидно предложил скат. — Кино показывай. Учти: я люблю романтические фильмы с приключениями!

— Инженер не придёт, — сообщил вернувшийся рыба-рыцарь. — Кто будет чинить телевизор?

— Родственники! — махнул хвостом рыба-факел.

Скат и рыба-телескоп озадаченно посмотрели друг на друга.

— Телескоп с линзами разберётся, а скат электричество пустит, — легко рассуждал рыба-факел. — Я вам освещение организую. Могу сиять зелёным, синим и жёлтым светом. Выбирайте!

— Синий! — крикнул скат.

— Зелёный! — сказала рыба-телескоп.

— Ой! Неладное чувствую, — вздохнула рыба-землетрясение.

Послышалось недоброе шипение, раздался треск, и телевизор взорвался. Вздурораженной волной разметало рыбок в разные стороны. Электрический скат отлетел в траншею к инженеру и долго не хотел из неё вылезать. Рыба-телескоп нырнула на большую глубину и от страха спряталась в акульем домике. Бедной акуле пришлось ночевать на пороге. А рыба-факел потерял сознание и погас около обломков телевизора. Рыба-рыцарь хотя и сам пострадал, но поплыл за доктором.

Небольшая рыба-доктор жила на курорте и любила купаться в тёплых источниках с полезной водой. Но услышав от рыцаря о катастрофе, доктор молниеносно отправилась в путь. Когда они с рыцарем прибыли, около рыбы-факела опять собралась притихшая рыбная ватага.

— О-о-о, больных-то сколько! — протянула рыба-доктор, шевельнув коричневой спинкой. — Занимайте очереди!

— Мы все — здоровые! — отбил неуверенную дробь рыба-барабанщик. — Только одна погасла...

— Какие же вы здоровые? — удивилась рыба-доктор. — У всех — стресс! Посмотрите на себя в рыбку-зеркало. — И она подозвала плоскую рыбку с блестящими голубовато-серебристыми боками.

— Ещё бы! — прокомментировала рыба-доктор. — Натворить такое! Электричество в воде — смертельная вещь! И кое-кто должен был это знать! — Доктор махнула хвостом в сторону песчаных построек. Скат в траншее тяжело вздохнул. — А кроме того, — доктор окинула взглядом испуганных рыб, — зачем вы свои плавники тянули к неизвестному телевизору? Нельзя брать чужое!

— Нам же волны его принесли! — просвистела свистулька. — В штормовой лихорадке!

— Воспитанные рыбки отдали бы обратно! — возразила доктор. — Расступитесь, я массаж сделаю Факелу и повязку из водорослей наложу.

Под нежными прикосновениями доктора рыба-факел очнулся, засиял сначала зелёным светом, потом жёлтым, хотел включить красный, но вспомнил, что он не светофор, и распустил по морскому дну прозрачные синие лучи. И все, кто был рядом, увидели розовых морских звёзд, подводный луг с зелёными листьями, светлые раковины моллюсков у подножия кораллов.

— Как красиво... — зачарованно прошептал рыба-мичман. — Лучше, чем в телевизоре.

— Наяву — всегда лучше! — уверенно произнёс рыба-путешественник. — Дорогие рыбки, присмотритесь вокруг! Постарайтесь не подменять настоящую жизнь телевизором!

Мальская долина

Псково-Печерский монастырь

Нашими писателями, историками и краеведами давно уже замечено, что в России ландшафт местами как бы вывернут наизнанку. Россия — это громадная, бескрайняя равнина (которая простирается до Венгрии и Германии на западе, Монголии на востоке, Узбекистана и Туркмении на юге). Настоящие горные хребты располагаются по краям этого огромного лесистого поля, ограничивают его со всех сторон. Но и на русской равнине встречаются горы и горки. Только горки эти и скалы расположены в земных впадинах, углублениях, речных долинах.

Чтобы увидеть эти горы, необходимо спуститься вниз, к реке, текущей в долине. И отту-

да, с речной отмели или поверхности воды, вашему взгляду предстанут самые разные горы, скалы и холмы. В степной части нашей страны роль речных долин играют овраги, «берега» которых снизу тоже выглядят как горы.

Больше всего таких «русских горок» в округе Изборска и Печор, в Псковской области. Сам Печерский монастырь, то есть, в переводе с древнерусского, «пещерный», вырос из нескольких пещер, ископанных монахами в стенах глубокого и широкого оврага. Потом, когда помимо пещер в монастыре появились храмы, кельи и крепостные стены с башнями, здесь возник «замок наоборот». Если обычные замки и крепости строились на вершинах гор и холмов, а снизу ограждались стенами, то Печерский монастырь, наоборот, стена ограничивает сверху, а здания располагаются на дне оврага. Впрочем, такое необычное устройство не помешало защитникам Псково-Печерского монастыря успешно выдержать множество осад.

Вся территория Печерского оврага давно уже застроена, но неподалёку располагаются другие долины, со дна которых можно любоваться прекрасными и высокими «горами». Одна такая долина называется «Мальская». Она начинается от Мальского озера и, переходя в

Словенские ключи

узкую «Змеиную балку», вдоль реки Смолки продолжается до самого Изборска. Завершается этот древний разлом земной коры Городищенским озером.

С противоположного берега Городищенского озера открывается прекрасный вид на древний Изборск. На рассвете или закате отреставрированная крепость выглядит настоящим «белым городом на далёком холме». Рядом с Изборском — каменный каньон, по известковым стенам которого льются тысячи струй святой (и одновременно минеральной) воды — Словенские ключи. Дальше к северу, в сторону деревни Малы, долина становится заболоченной. Она покрыта кустарником и чернолесьем, изобилует гадюками, но когда-то она была торной дорогой, центральным речным трактом для всех путешественников, двигавшихся из Балтики через Чудское и Псковское озёра на Днепр и Киев. Долина эта была частью оживлённого торгового пути «из варяг в греки», более короткого, чем путь через Неву, Ладогу и Волхов. Не случайно в деревне Малы археологи нашли западноевропейский меч эпохи Каролингов с изображением «усатого человека»: может быть, одного из королей франков или даже самого Карла Великого. Правда, вряд ли этот меч оставил в Малах какой-нибудь франк: императоры-каролинги воевали со славянами и постоянно наступали на земли западных славян, но до окрестностей Изборска не доходили. Меч могли купить местные жители у европейских купцов или отобрать в бою с рыцарями. Можно даже представить целую историю путешествия этого меча, который, быть может, добыл в битве какой-нибудь житель деревни Малы, когда отправился помогать лютичам, бодричам или ляхам в борьбе с германцами.

Сейчас древняя речная дорога не действует, и поэтому в долине царит тишина и покой. Единственное шоссе идёт в стороне параллельно долине, да и оно кончается в Печорах. Но тишина не означает запустения. Укромные уголки Мальской долины облюбовали дачники,

которые по мере сил украшают и облагораживают изгибы речки Смолки. Например, там можно встретить древний дуб, увешанный тележными колёсами и одновременно обзорными видеокамерами для наблюдения над порядком. Если вам удастся добраться до деревни Брод, можете попытаться разыскать целебный Шурнов-ключ или, как его ещё называют, родник «Кипун»: он выбивается из-под земли недалеко от горы Белухи. С её склонов течёт и множество других ручейков, из-за которых трудно продолжать путь по долине.

Изборская крепость

Чтобы попасть к её главной достопримечательности, Мальскому скиту Печерского монастыря, нужно подняться на крутую гору Белуху. Конечно, эта гора ниже знаменитой алтайской Белухи и вообще, как и все здешние «высоты», кажется горой лишь со дна долины, но взобраться на неё почти так же тяжело, как на настоящую гору. Зато с её вершины вас радует прекрасный вид на луга и холмы, а вдали уже видны купола Мальского монастыря. Чтобы попасть к древним зданиям монастыря, вам снова придётся спуститься с горы в ложину.

Мальский монастырь был создан в пятнадцатом веке святым Онуфрием, выходцем из Печерского монастыря. Очевидно, к тому вре-

Мальская долина

мени путь из варяг в греки по Мальской долине уже перестал пользоваться такой популярностью, как в древности, и место стало уединённым, подходящим для молитвенной жизни. Сейчас мощи святого Онуфрия почивают под спудом в соборе Рождества Христова. Но с архитектурной точки зрения самыми интересными зданиями Мальского монастыря, который

столпы с открытыми площадками стоят в древнем Булгаре (столице Камской Болгарии), и их предназначение до сих пор непонятно. Были какие-то башни-«столпы» ещё у древних хеттов. В древнем и средневековом мире существовала целая «столповая» культура, о которой мы знаем слишком мало, её ещё предстоит изучить. И начинать можно со звонницы

Мальский монастырь

сейчас восстановлен и расширяется, остаются древнейшая «Трапезная церковь» или «Трапезная палата» и старинная звонница.

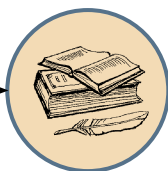
Колокольни Псковского края вообще отличаются особым устройством и грубоватой, древней красотой. Они представляют собой стоящие отдельно от церкви четырёхугольные «столпы», которые увенчаны звонницами. Внутри столба к колоколам шла лестница, выходившая на открытую площадку. В девятнадцатом веке большинство этих открытых площадок, в том числе и в Мальском ските, были подведены под крышу, чтобы звонарям не пришлось работать под дождём. Это немного изменило архитектуру здания, но оно по-прежнему выглядит таинственно и торжественно. Звонница больше похожа на крепостную башню, которая охраняет вход в какой-то запретный, волшебный мир.

Возможно, в подобных столпах-звонницах действительно заключена историко-архитектурная загадка. Из житий святых мы знаем о многочисленных «столпах», который строили для себя подвижники, чтобы удалиться от мира. Судя по иконописным изображениям, это были каменные или деревянные башни с открытыми площадками. Но точно такие же

Мальского монастыря и других сельских колоколен Псковской области.

Осмотрев монастырь, можно продолжить исследование заросшей ольшаником Мальской долины с её ключами, порыбачить на Мальском озере, а можно направиться к шоссе и пройти через деревню Малы, которая тоже сохранила немало старинных черт. В ней, например, до сих пор стоит деревянная часовня, построенная ещё в начале девятнадцатого века. И выглядит она почти как новая, её регулярно красят голубой краской. Другая достопримечательность деревни — гнёзда аистов. Здесь проходит северная граница их гнездования. Несколько столбов снабжено тележными колёсами с наваленными на них прутьями, где аисты выводят своих птенцов.

Сами дома местных жителей и особенно надворные постройки тоже представляют интерес для путешественника и краеведа. В них необычным (для остальной России) образом сочетается дерево и камень-плитняк, благодаря чему многие старые подсобные строения, сараи, арки ворот сохранились до сих пор. О каменной архитектуре Псковского края мы уже писали в очерке «Каменная Русь» в третьем номере «Детской роман-газеты» за 2014 год.

Михаил Пришвин
Художник О. Ионайтис

Ёж

Раз шёл я по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затучал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога — он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

— А, ты так со мной! — сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много. Я слышал — ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда, выбрал себе наконец место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёл лампу, и — здравствуйте! — ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам.

И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна и облако, а ноги мои были как стволы деревьев и, наверное, очень нравились ёжику: он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задники у моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл в кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу — какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажёл свечу и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посредине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая:

— Зачем это ёжику газета понадобилась?

Скоро мой жилец выбежал из-под кровати — и прямо к газете; завертелся возле неё, шумел, шумел, наконец, ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я и понял его: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда. И, оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу-луну.

Я подпустил облака и спрашиваю:

— Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

— Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой и то налью воды в тарелку, то опять волю в ведро, и так шумлю, будто это ручеек поплёскивает.

— Ну иди, иди, — говорю. — Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода...

Смотрю: будто двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он двинется, и я двину, да так и сошлись.

— Пей, — говорю окончательно.

Он и залакал. А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

— Хороший ты малый, хороший!

Напился ёж, я говорю:

— Давай спать.

Лёг и задул свечу.

Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа.

Зажигаю свечу, и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в угол, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит, на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня жить ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью в блюдечко — выпьет, то булочки дам — съест.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Дело выгорело

Дореволюционный суд дал нашей речи немало горьких и язвительных крылатых выражений.

Пользуясь ими, мы часто не знаем, что за ними стоит.

Нередко слышишь: «Ну, моё дело выгорело», — то есть я добился своего, победил. А ведь в этих словах живёт память о вопиющем безобразии прошлого. В старину бывали случаи, когда судебный процесс останавливался: виноватого нельзя было наказать, а правого оправдать, если внезапно пропадало судебное «дело» — документы, хранившиеся в суде.

Помните удивительный случай, рассказанный Н. В. Гоголем в повести о ссоре двух друзей? Бурая свинья Ивана Ивановича вбежала в суд и съела жалобу, которую на её хозяина подал его бывший друг Иван Никифорович... Разумеется, это всего-навсего весёлая выдумка. А вот горели бумаги в судах довольно часто, и, бывало, не случайно. И тогда человек, которому было необходимо затянуть или прекратить дело, посмеивался себе в бороду и, очень довольный, повторял про себя: «Слава богу, моё дело выгорело!»

Вот откуда пошли эти странно звучащие слова: дела-то выгорали не сами по себе, а по просьбе судившегося, за хорошую плату — взятку.

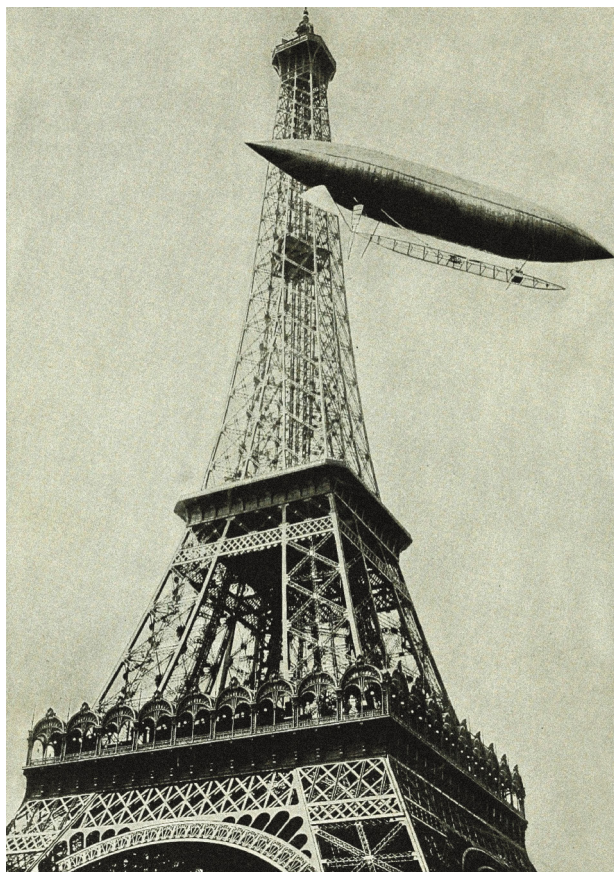

Эволюция техники происходит не всегда равномерно. Периоды плавных изменений сменяются резким ускорением. Это происходит, когда возникает новая технология, способная радикально изменить жизнь человечества. Важно, чтобы техническое новшество возникло в правильном месте и в то время, когда созрели все предпосылки для перемен. Тогда технологический прорыв запускает технологическую революцию, способную в одночасье изменить жизнь всей планеты.

Важнейшим технологическим прорывом в истории было изобретение в 3 тысячелетии до нашей эры колеса. Около 3200 года до н.э. в Месопотамии была придумана письменность. Во 2 тысячелетии до н.э. была открыта технология обработки железа, что позволило делать более прочные инструменты — бронза стала ненужной — наступила эпоха Железа. Эти глобальные изобретения определили основные черты современного мира. Если говорить о временах менее отдалённых, то, например, технологическими прорывами XIX века были: полномасштабное использование энергии пара; изобретение двигателя внутреннего сгорания; освоение электричества; вакцинация; изобретение фотографии и, наконец, беспроводной связи.

Большинство детей, читающих эти строки, скорее всего родились уже в XXI веке, но многочисленные технические устройства, облегчающие жизнь, достались им в наследство от века XX. Давайте же вспомним, какие технические новшества прошлого века легли в основу современного мира.

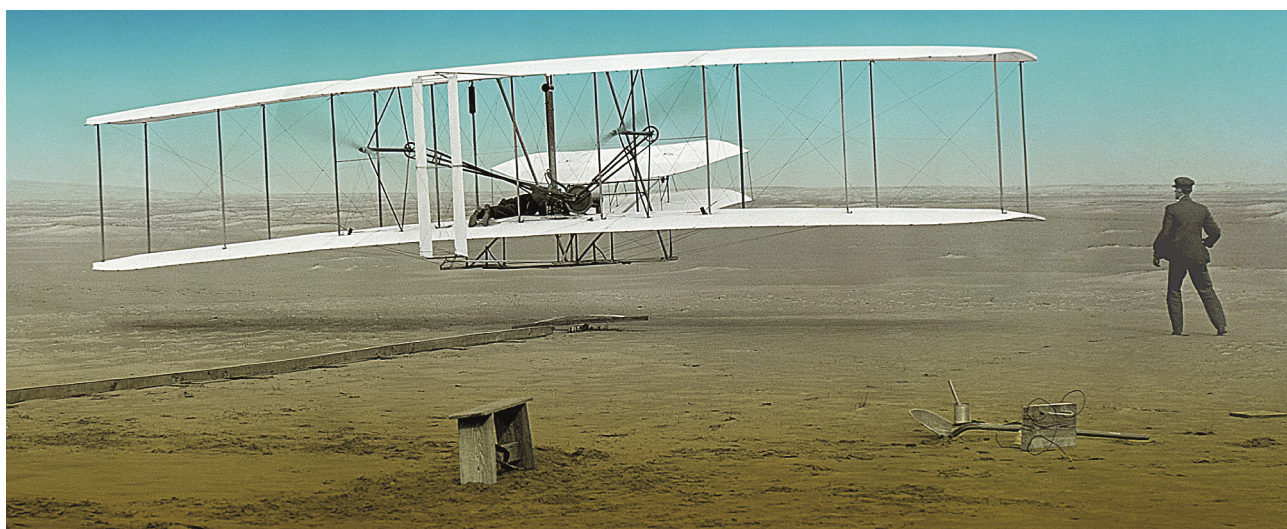
Авиация

19 октября 1901 г. воздухоплаватель Сантос-Дюмон сумел на дирижабле облететь Эйфелеву башню

Летать как птица человек мечтал давно, и именно в XX веке он сумел осуществить свою мечту. 17 декабря 1903 года братья Райт впервые сумели подняться в воздух на аппарате тяжелее воздуха с двигателем внутреннего сгорания. Началась эпоха авиации.

На самом деле летательные аппараты, которые были легче воздуха, — воздушные шары и дирижабли — построены раньше. За 120 лет до братьев Райт в 1783 году совершил первый полёт тепловой аэростат Монгольфье, а в 1852 — первый дирижабль с паровым двигателем. Но крылатый полёт, не зависящий от капризов погоды, оставался мечтой. Первые проекты крылатых летающих аппаратов мы находим у Леонардо да Винчи, он пытался построить аппарат, приводимый в движение силой мускулов. Как остроумно заметил по этому поводу основатель аэродинамики Н. Е. Жуковский, человек «полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума». Именно такой подход обеспечил успех братьям Райт. Они были опытными инженерами и, в отличие от своих конкурентов, бессмысленно наращивающих мощность двигателя и несущую поверхность крыла, предварительно много экспериментировали с планирующим полётом. Ими был

Знаменитое фото, сделанное 17 декабря 1903 г. Первый полет самолёта братьев Райт

придуман и запатентован эффективный способ управления самолётом в полёте. Поэтому уже второй вариант летающего аппарата был пригоден для практических полётов.

Авиация существует около ста лет. За этот краткий промежуток времени она сделала гигантский скачок от первых, обтянутых шёлком, лёгких этажерок, способных поднять одного или двух человек, до огромных реактивных лайнеров, способных перевозить до полутысячи пассажиров. Эти монстры способны двигаться очень быстро, но сжига-

ют при этом чудовищное количество углеводородного топлива. Поэтому современные изобретатели много работают над проектами малой, сверхмалой и экологичной авиации. Это небольшие винтовые или реактивные самолёты; обходящиеся без аэродромов вертолёты; дельтапланы и парaplаны — летающие средства с мягким крылом. В последние годы всё большее применение находит беспилотная авиация. Некоторые даже предсказывают, что в недалёком будущем появится беспилотное летающее городское такси. Вообще техника такая уже существует, осталось приспособить её к современной жизни.

С изобретением современных мощных и лёгких электродвигателей и аккумуляторов появилась возможность строить самолёты на электрической тяге. А если крылья использовать как солнечные батареи, то самолёт мо-

Боинг 747 довольно долго держал рекорд по пассажировместимости более 500 человек

Моторный дельтаплан

Самолет Solar Impuls работает от солнечных батарей

жет летать совсем без топлива! Первый в истории электросамолёт с пилотом поднялся в воздух в 1971 году. Через десять лет электрический Solar Challenger за 5 с небольшим часов перелетел Ла-Манш. В Швейцарии был построен самолет Solar Impuls. Уже его название «Solar» говорит о том, что он работает на солнечной энергии. В 2016-м этот самолет, ни разу не заправившись, совершил кругосветный перелёт.

Наши давние соседи

Старик протянул Вовке руку:

— Стало быть, желаем подышать лесным воздухом? И попить родниковой водицы? Это у нас под боком. И ягодки и грибочки тоже поблизости.

Вечерний разговор

К вечеру Павел Егорович с Вовкой были уже одни. Отец уехал.

На столе стоял самовар. Вовка с любопытством разглядывал его. Потом, задржав голову, долго смотрел лампу, висевшую под потолком. И такую лампу он видел впервые: лампочка была не круглая, а какая-то длинная и пузатая.

— А чего там горит?

— Как чего... керосин.

— А телевизор где?

— А этого мы не держим. Нам он без всякой надобности.

— А вам здесь не скучно одному?

— А я не один живу. У меня соседи есть: Домовой, Кикимора, а в лесу — Леший и Водяной.

— Павел Егорович, это же всё выдумки. Неужели вы верите в эти сказки! Мы же в двадцать первом веке живём...

— А я думаю, что моим соседям больше лет будет. Они ведь постоянные жильцы тут, в отличие от нас, временных. — Старик произнёс это медленно и с такой убеждёностью, что Вовка поневоле стал озираться.

Эта поездка Вовке сразу не понравилась. Отец решил, как он выразился, приобщить его к родной природе и простой здоровой пище. То с собой по Италии таскал, то на остров Мальта привёз, а теперь чего придумал... отправить в глухомань, к какому-то древнему деду Павлу Егоровичу. С этим дедом отец познакомился, когда он ездил на охоту в Смоленскую область.

Отец ожесточенно крутил баранку джипа. Одни лужи на лесной дороге они проскакивали на скорости, другие преодолевали осторожно: машина тогда заваливалась то на один бок, то на другой. И Вовка каждый раз загадывал: «Ну, всё в этой луже мы обязательно застрянем». Но джип натужно завывал и рывком вылезал из засасывающей хляби.

— Ты, Вовка, не робей. Дед занятый. Представляешь, он совершенно искренно верит в нечистую силу.

— А это что ещё такое?

— Ну, разные там домовые, лешие...

— Он что — сказочник?

— А вот приедем — сам увидишь.

На сказочника Павел Егорович совсем был не похож. На нём был зелёный солдатский камуфляж и сапоги. На голове, несмотря на лето, ушанка, и тоже солдатская.

В окне сияла луна. В углах же избы было темно. И Вовке показалось, что тьма шевелится, как будто кто-то выворачивает шубу чёрным мехом наружу.

— Однако спать пора. Я вижу, ты притомился с дороги. Я тебе вон там постелил, за перегородкой.

Запечные супруги

— Ты слышала? Этот малец в нас не верит. Нет, говорит, ни тебя, Кикимора моя ненаглядная, ни меня, муженька твоего любезного.

— Пусть заснёт покрепче. Он у нас узнает — есть мы или нет.

Домовой с Кикиморой вылезли из-за печки, уселись в тёмном углу и стали смотреть на луну.

— Наша ночка, — шептала Кикимора. — Полнолуние! В самый раз себя показать. — И потеряв ладошки, добавила: — Сейчас мы его пощекотаем.

Вовка сначала во сне хихикал, но Кикимора не унималась, она принялась его щипать. Вовка вскрикнул от боли, открыл глаза и увидел в лунном свете какую-то тётку с растрёпанными волосами. «А-а-а!» — завопил он во весь голос. Но тётка не отставала: она то щеко-тала, то щипала, то дёргала за нос. Вовка брыкался, отмахивался. Вскочив в постели, столкнулся лицом к лицу с дедком в остроконечной шапке. «Ты куда?» — схватил он Вовку мохнатой рукой. Вовка вылетел из избы. «А теперь веришь? — продолжала Кикимора щипать его на ходу. — Веришь?»

Вовкин крик ещё долго раздавался в лесу, то в одном месте, то в другом.

На лесном озере

В лесу Вовка набрёл на озеро. Оно лежало среди деревьев огромным чёрным зеркалом.

Вовка спустился к воде, нагнулся, чтобы умыться. И тут же вода рядом вдруг взбурлилась и среди огромных округлых листьев кувшинок показалась голова, вся в зелёной тине. Голова надула щеки и пустила длинную струю воды. «Неужели это Водяной?» — подумал обалдевший Вовка.

А Водяной как ни в чём не бывало отряхнулся, задрожав всем телом, и усталвился на Вовку. «Кто такой и откуда?» — спросил он строго. Вспомнив, как Павел Егорович уважительно отзывался о своих соседях, Вовка вежливо сказал:

— Я приехал к Павлу Егоровичу, ну который в избе в лесу живёт, а ночью на меня напали эти самые... Кикимора с Домовым. Я от них убежал и заблудился в лесу. И вот теперь не знаю, как мне добраться до дома...

— Ну, в этом тебе Леший поможет. Он недалеко от меня обитает. Он тут все тропинки знает. А я от озера далеко не отхожу — пересохнуть могу. Такие вот дела... А давай я тебя по озеру покатаю. Ко мне гости ведь не часто захаживают.

И с этими словами Водяной припал к воде и что-то пробулькала. И тут же появилось бревно... с усами. Это был сом. Он подплыл к берегу. Водяной уселся на него спереди. «А ты давай сзади!» Спина у сома была скользкой, и Вовке пришлось ухватиться за Водяного.

— Полный вперёд! — весело скомандовал Водяной, и сом понёсся по озеру.

— Лево руля! — кричал Водяной и натягивал левый ус сома. — Право руля! — и тянул за правый.

Водяной показал едва приметную тропинку. «По ней иди, она прямо к Лешему тебя выведет».

Хозяин леса

По поляне бродил какой-то маленький старичок. «Добрый день, дедушка, вы грибы ищете?» — спросил Вовка, подойдя ближе. Старичок глянул на Вовку и скрипуче засмеялся. «Ты меня за гриб-

ника принял? Ха-ха-ха! А ты знаешь, кто я такой!» И как крутанётся на месте. Вовка зажмурился от неожиданности. А когда открыл глаза, то увидел вместо старичка толстую лягушку. «Ква-ква-ква!» — широко разевая рот, захохотала она. Не успел Вовка прийти в себя, как лягушка тоже завертелась-закрутилась и превратилась в филина. «Ух-ух-ух!» — заухал он, поднимая в такт свои крылья. Но и филин исчез также внезапно, как и появился. На том месте снова появился старичок. «Но теперь-то понял, кто я такой? Вижу, что не понял». И старичок стал расти, поднимаясь выше леса. И вот он своей бородой закрыл небо. И оттуда, сверху изрёк:

— Я — хозяин леса! А тебе что надобно в моих угодьях?

— Я к Павлу Егоровичу приехал и заблудился.

— Знаю я Егорыча. Человек он с понятием — лесных правил не нарушает. Так что — помогу тебе. Есть тут одна старушка. Она вмиг тебя до него доставит.

По дороге к этой старушке Вовка узнал, что зовут её... Бабой-ягой.

Доставка домой

Избушка у Бабы-яги была совсем не такой, как рисуют её в детских книжках. Никаких тебе курьих ножек. «Как у нас баня на даче, — отметил Вовка. — Только труба длиннее».

На крыльце избушки сидел чёрный кот. Увидев Лешего и Вовку, он громко мяукнул, и тут же в дверях появилась хозяйка. Вовка ожидал увидеть старуху страшнее. А Баба-яга была похожа на обычных бабушек, только вот глаза у неё были чёрные-чёрные.

Рассказав Вовкину историю, Леший ушёл.

— Ты, стало быть, к Павлу Егоровичу приехал, а оказался у меня. Ну, что ж, всё-ма кстати. У меня на ужин как раз ничего нет. Вот тебя и зажарим...

Налюбовавшись на задрожавшего от страха Вовку, Баба-яга со-

всем другим голосом сказала: «Начитался про меня всякой чепухи, а мы вовсе не кровожадные. Так что, турист, есть тебя не будем, а доставим к Павлу Егоровичу. Мы к нему с полным расположением. Как ни посмотришь, всё в трудах, бедняга...»

И Баба-яга выкатила из избушки ступу.

— Та самая? — спросил Вовка, разглядывая бревно с выдолбленной серединой и ручками по бокам.

— А какая ещё! У меня одна только, но надёжная. Ни одной катастрофы за тысячу лет. Это у вас то самолёт грохнется, то вертолёт закувыркается.

Вовка залез в ступу. И они взлетели. Под ними кучерявился лес. Вот чёрное озеро блеснуло, вот поляна Лешего промелькнула, а вот и дом Павла Егоровича.

«Держись! — крикнула Баба-яга. — Идём на посадку!» И ступа мягко опустилась прямо перед домом.

Старик, увидев Вовку, вылезавшего из ступы, ничуть этому не удивился, а только сказал: «А мы тут с Домовым искали тебя, а ты вон у кого оказался. А может, это неспроста — тебе надо было самолично убедиться, что я тебе сущую правду рассказывал про своих давних соседей.

Алексей БАННИКОВ

г. Кувандык, средняя школа № 5

Победитель областного конкурса

детского литературного творчества

«Рукописная книга», областного

конкурса «Моя любимая бабушка».

Как бабушка стала врачом

Есть люди, которые тихо делают свою незаметную работу, не претендуя на героизм.

Вот таким героем я считаю мою бабушку Банникову Таисию Тимофеевну.

...В палате у постели тяжёло больной беззвучно плакала мать. Подняв на вошедшего врача полные тоски и горя глаза, она спросила: «Это конец?» Пятые сутки девушка находилась в коме. Моя бабушка понимала, что надежды на выздоровление почти никакой. Но разве имеет право врач сказать это матери? «Не плачьте, всё будет хорошо, — овладев собой, спокойно ответила она на страшный вопрос. — Сейчас поставим капельницу, вашей дочери станет легче. Всё образуется».

Так и вышло. В один из вечеров больная девушка открыла глаза. Сквозь туманную пелену рассмотрела улыбающиеся глаза Таисии Тимофеевны. Дотянувшись слабыми руками до рук доктора, она тихо сказала: «Вы моя спасительница». Молотом стукнуло сердце врача. Невероятно! Всё повторилось... Ведь это она, Таисия Тимофеевна, много-много лет тому назад произнесла такие же слова: «Вы мой спаситель». И мысли вернули её в прошлое.

Её отец Тимофей Панкратович погиб под Смоленском в 1942 году. Четверых детей поднимала на ноги её мать Марина Алексеевна в невероятно трудные военные и послевоенные годы. Была она ударницей труда и потому получала больше других: если всем платили двенадцать рублей, то ей — двадцать четыре. Только как разделить эту сумму, чтобы хватило на всех членов семьи?

Семилетняя Тая пошла в няньки, чтобы заработать себе на школьную форму.

Вечное ощущение голода — вот главное воспоминание детства, о котором хочется забыть...

А потом было ещё хуже. В четырнадцать лет бабушку сломил жестокий недуг. Её отправили

в Оренбург в санаторий имени Н. Крупской. Здесь лечили инвалидов Великой Отечественной войны, а четвёртый этаж был отдан детям. Звучит жутко, но «благодаря» болезни девочка впервые досыта наелась и в санаторной палате впервые узнала, что такое компот и белая каша.

Три года пролежала она без движения в инвалидной кровати, закованная в гипс. Эту попытку помогли ей выдержать врачи, медсёстры.

«Я хорошо помню, — рассказывала моя бабушка, — что у нас не было хмурых врачей и медсестёр». В палату они всегда входили с улыбкой. И каждый раз говорили: «Вы обязательно поправитесь, только для этого нужно время. Потерпите и скоро начнёте ходить».

В гипсе Тая проучилась три года (с восьмого по десятый класс) и окончила школу с золотой медалью. Её выпускное сочинение как лучшее в области долго висело на показательном стенде в облоно. Стоило ей только пройти собеседование, перед ней открывались двери любого престижного вуза. Бабушка выбрала медицинский. В инвалидной кровати решила она, что будет такой же, как её спасители. Пусть это и громко звучит, но клятву свою она сдержала.

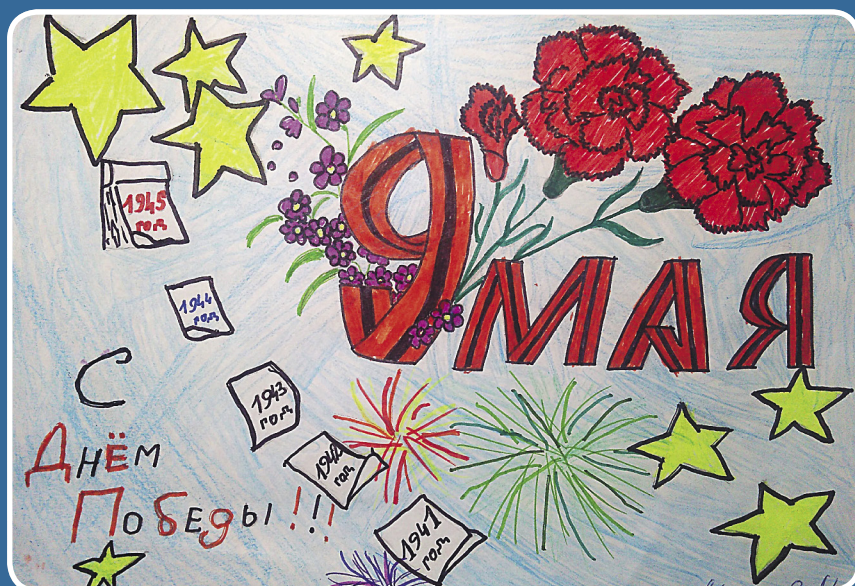
Двадцать шесть лет Таисия Тимофеевна Банникова была бессменной заведующей инфекционным отделением Кувандыкской районной больницы. Награждена медалью «За трудовую доблесть», знаком «Отличник здравоохранения». В домашнем архиве хранится большая стопа почётных грамот Министерства здравоохранения, облздравотдела. О её административно-хозяйственной деятельности можно сложить отдельную сагу. Уму непостижимо, как в аварийном здании можно было, латая дыры, поддерживать чистоту и порядок! За всю свою тридцативосьмилетнюю врачебную практику бабушка ни разу не переходила в разговоре на повышенный тон. Не обидела больных и подчинённых грубостью.

Сейчас бабушка на пенсии, но нет, наверное, в городе и районе человека, который не знал бы её. Несколько лет назад геморрагическая лихорадка с почечным синдромом (в обиходе «мышинная болезнь») стала в районе настоящей эпидемией. Десятки тяжелобольных вернула к жизни Таисия Тимофеевна и её коллеги. Большой опыт и глубокие знания позволяли ей быстро и правильно поставить диагноз и тут же приступить к лечению.

Я ещё не встречал такого человека, который так бы тепло и с добротой относился к людям, восхищаясь бабушкиным характером и будучи стараться быть похожим на неё. Говорят, что я похож на неё внешне, но моя задача — следовать жизненным принципам моей любимой бабушки.

1

2

3

Наш ВЕРНИСАЖ

4

РИСУНКИ УЧАЩИХСЯ 3 КЛАССА «А»
МБОУ СШ № 2, г. Вилючинск, Камчатский край
Руководитель В. Г. Фёдорова

1. Мавлеткулова Кира, 9 лет,
«Слава победителям!»
2. Мертвев Максим, 10 лет, «Салют Победы!»
3. Нецер Анна, 9 лет,
«Этот день мы приближали, как могли»
4. Лапошин Никита, 9 лет,
«Слава победителям!»
5. Дробышев Игнат, 9 лет,
«С Днем Победы!»

5

РОМАН-ГАЗЕТА **5** етская

2018 (227)

«Падение и святость, измена и верность, жертва и безразличие... “Пути империй” — это путь человека, судьба которого становится судьбой империи и её история неразрывна с его нравственным выбором...»

Тихон Рыженко, историк

П. Рыженко. Пасха в Париже. 2006 г.

РАССКАЗЫ:

Рассказы-горошины

РАССКАЗЫ:

Ёж

ИМЕНА:

Николай Заболоцкий

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

Жизнь с телевизором